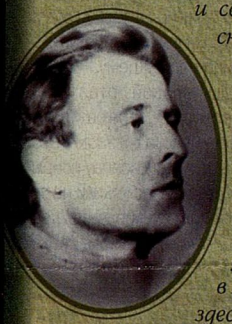
Семейный альбом Михаила Кокшенова

Михаил Кокшенов — актер, обессмертивший свое имя каламбуром из гайдаевского "Спортлото-82" ("Три рубля кучка, а в кучке три штучки"), говорит, что объездил весь мир, но, к своему большому сожалению, очень мало фотографировал. Однако главное ведь не количество. А в качественном плане в фотоальбоме Кокшенова есть много интересного.

Это мои бабушка и дедушка. Они родились в городе Скопине Рязанской области. Дедушка закончил гражданское инженерное училище, но впоследствии стал морским офицером. Эскадра, на которой он служил, стояла во Владивостоке, и поэтому он увез туда всю семью.



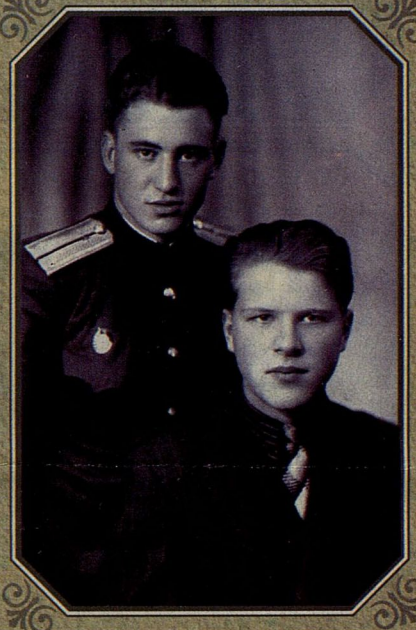
Мои родители. Получилось так, что они у меня из разных концов страны — папа с Дальнего Востока, а мама родилась в Прибалтике, в городе Лиепая, который тогда назывался Либава и сейчас, возможно, снова так называется. Отец по профессии горный инженер, был директором полиметаллического комбината, а мать — начинающей актрисой владивостокского театра. Когда отец поехал учиться, а точнее, доучиваться, в Москву, то перевез сюда семью и впоследствии здесь остался. Так что я в Москве родился.

Это в детском саду. Стремился к технике страшно. Но этот самолет, после того как побывал у меня в руках, больше летать не смог — я его сломал. Мне и сейчас Лена, жена моя, говорит: "Только ничего не трогай! Только думай". Из детского сада меня выгнали. Жвачек не было, и все дети жевали вар. Я однажды спрятал этот вар себе за пазуху. И когда в детском саду в целях гигиены стали проверять руки, заметили, что у меня что-то такое странное — вар расплылся по животу, и майка не снималась. Мне ее срезали, и я ходил с прилипшей тканью на животе и по кусочку это дело отковыривал. А там кожа была уже другого цвета. В общем, все испугались и из детского сада меня выгнали. Родители были недовольны тем, что я опять сидел круглые сутки дома. А в детском саду я был ровно четыре дня.

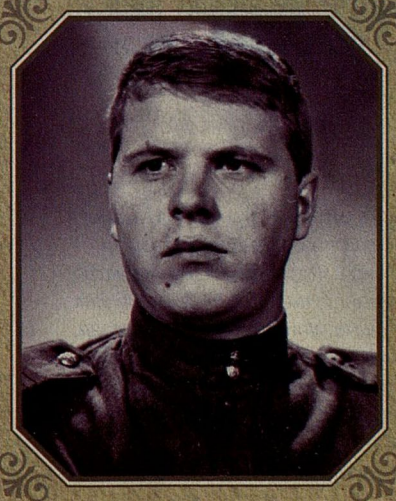
МК Бульвар — 2001 — 11 нояб. — С. 46–49

В школе я учился тяжело, и даже во втором классе я с пятью "двойками" в четверти на второй год оставался. В этом смысле я был рекордсменом. А когда кончил восемь классов, понял, что дальше тяжеловато будет, и ушел в техникум, тем более я здоровый лоб и на восьмиклассника был мало похож. Отец же у меня занимался горняцким делом, и я пошел по отцовской линии: закончил Мытищинский индустриальный техникум, отделение геологии и разведки. Поработал — работа тяжелая, и решил, что пора подаваться в артисты. Втихаря стал поступать в театральные институты. Со второго захода поступил в Театральное училище им. Щукина. А я ведь в то время уже работал, меня устроили по блату на должность и.о. инженера в одном управлении. И мой уход в театральное училище был ударом для всей семьи, но это были лучшие годы моей жизни. Каждый раз в октябре собираются актеры с курса. Кто приходит, кто нет, но, по возможности, все стараются найти время.

Я прошел в кино путь с самого низа, начинал сниматься в массовке еще учащимся Мытищинского техникума. Меня это дело тогда интересовало. А это кадр из моего первого фильма "Три времени года". Надо сказать, в то время все снималось, что называется, по натуре: если по сюжету Сибирь, то снимали в Сибири, если полярный север — то на полярном севере. И вот мы поехали в Кандалакшу. Я в этом фильме играл роль комсорга Василька. Лицо у меня очень правильное было. Тогда снималось много фильмов про бригады. Наши герои что-то строили, были очень правильными, не пили, по девкам не ходили (наверное, были 19—20-летними импотентами) и комсомольские собрания все организовывали. Этот фильм канул в Лету. Но что мне запомнилось в этом краю — это обилие рыбы и водка без этикетки, стоявшая мощными рядами. На севере, видно, с бумагой плохо, и прямо на стеклянной бутылке было выдавлено "Столичная". Очень красиво. Жили в маленькой гостинице, и я спал под столом на раскладушке, потому что не хватило места.

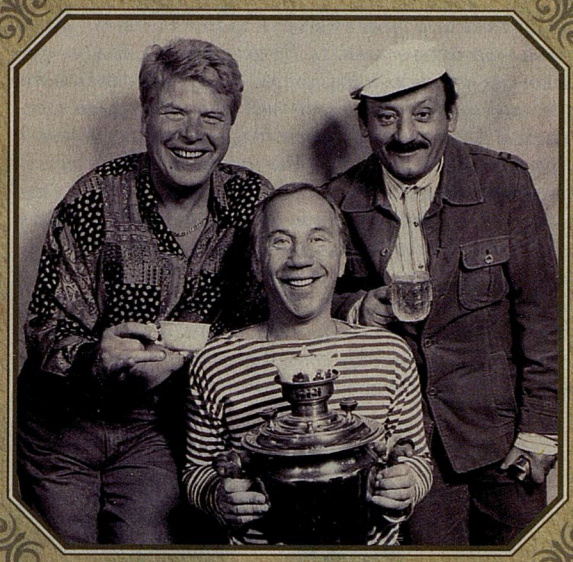


Это я со своим двоюродным братом Олегом. Он, когда подрос, все тащил меня в армию. Я хоть и был спортивным парнем, но меня туда никогда не тянуло. А Олег стал офицером, ракетчиком. Но что-то из армии, кроме жены, он ничего не привез. Он служил в Чите, и однажды, поехав в отпуск в Ленинград, познакомился с какой-то бабой. Еще в поезде у них закрутился роман. Оказалось, что она из Ленинграда, что у нее там большая квартира. Олег сразу же там поселился, потом дети у них пошли, а назад в армию он так и не вернулся.



Ефрейтор Захар Косых, правда, с сержантскими погонами. В армии я не был и фактически отслужил в фильме "Женя, Женечка и Катюша". А у меня был один глаз — минус девять, а другой — минус восемь. Сейчас с таким зрением снайперами работают, а тогда считалось, что это — почти слепой. В военкомате все стояли в ряду такие, как цыплята по рупь шестьдесят пять, синенькие, а я был бело-розовый, весил под сто килограммов, лицо как с похмелья. Мне сказали, что не годен: зрение плохое, и еще ребро выпирает, — может быть, рахит. На этом моя служба закончилась. Я пробыл в военкомате всего один день, и очень мне от этого обидно.

48 МК Бульвар — 2001 — 11 нояб. — с. 46-49



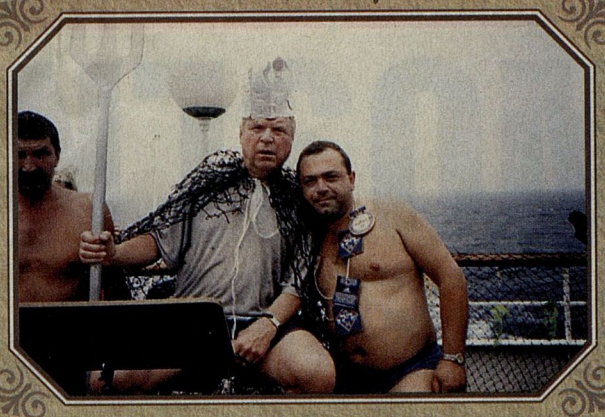
Я снялся более чем в ста фильмах у многих лучших наших режиссеров: Владимира Мотыля, Сергея Бондарчука, Станислава Ростоцкого. Но путевку в комедию, а может быть, даже и в большое кино мне дал Леонид Гайдай. Я у него снялся в семи фильмах. А когда Леня ушел, стало как-то скучно. И мы, актеры, которых он снимал, собрались и решили сами залудить комедию. Мы думали, что это очень легко, наивные были люди. Я был режиссером. А на главную роль решили пригласить кого-то крутого, от кого все будут валяться, и выписали из Америки Крамарова. Савелий приехал и сыграл роль дяди Вани. Он был чудовищно популярен, за ним бегали толпы. И когда мы ходили на людях вместе, он говорил, что я, здоровый бугай, его водитель, и постоянно спрашивал: "А ты трубу-то прочистил? Стекла помыл?" Я на него обижался и даже обещал, если он будет так шутить, дать по башке. Савелий был удивительным человеком, который все знал про жизнь, был очень доброжелательным. Слава его утомляла, и он ей почти не пользовался, улыбался всем. Я актером работал всю жизнь, а тут стал режиссером, да еще и исполнительным продюсером. Фильм "Русский бизнес", конечно, грешит множеством режиссерских ошибок, недочетов, но тем не менее идет же, повторяется.

Раньше в "Лужниках" мы играли в футбол вместе с Никитой Михалковым, Олегом Янковским, Александром Пороховщиковым (все на фото), Сергеем Шакуровым, Колей Караченцовым. Мы собирались каждое воскресенье, гоняли два часа и получали невероятный адреналин. Можно было пропустить съемки, все что угодно, но воскресный футбол — нельзя. На фото Альберт Шестернев (крайний слева), известный защитник московского ЦСКА, который предоставлял нам поляну, приходил на нас посмотреть и говорил: "Играете в кино вы лучше".

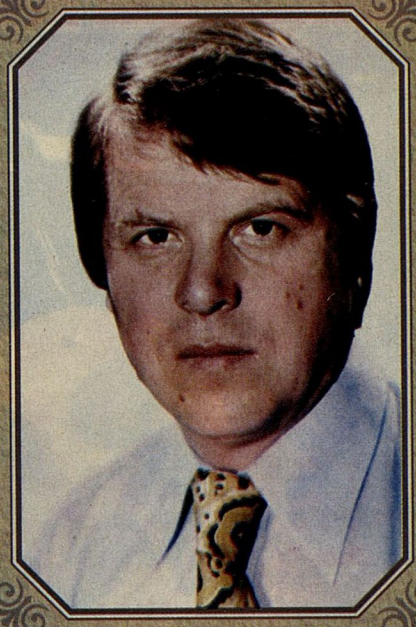
Наша дача расположена недалеко от Москвы по Волоколамскому шоссе, в лесу. Грибы на участке растут, но арбуз не у нас вырос. Его привезла наша подруга, художница Любовь Гальцова (справа). Там Гришенька (собака) живет летом с родителями жены Лены (слева), так сказать, отбывает пионерский лагерь и очень не любит там находиться, считает, что это неволя.

Моя первая удачная работа в рекламе — ролик про лапшу, в котором мы снимались с моими постоянными актерами — Натальей Крачковской и Семеном Фарадой. По всему метро были такие плакаты развешаны. У нас в доме один мужик живет, оперный певец, а вот его сын, машинист электропоезда, вырезал оттуда мое беззубое лицо и на наш дверной замок наклеил. Причем так крепко, что до сих пор не можем отодрать. Ну что ж, актеру можно сниматься в рекламе, если она юмористическая, хорошо написанная. А наш ролик — это забавный мини-фильм, и я в нем с удовольствием снялся.

МК Бульвар — 2001. — 11 нояб. — с. 46–49



Из-за моей любви к рыбам я весь мир объездил. Но не сам, а, как говорят, на халяву: меня приглашали участвовать в концертной программе. Я даже морского царя Нептуна играл. На меня здесь обыкновенная сеть наброшена, но не рыболовецкая, а какая-то рабочая снасть. День Нептуна устраивают только при переходе через экватор, поэтому сыграть его почетно. А я часто ходил через экватор, у меня даже грамота есть "Пересек экватор в такой-то раз...".



В 80-х годах в ларьках продавались открытки с изображением артистов, космонавтов и членов Политбюро. И когда Гайдай искал артистов для своего нового кино, он увидел мою открытку в ларьке. Цветные фотографии были по восемь копеек, а черно-белые — пять. И вот он увидел меня и сказал: "Ну-ка дайте мне этого синенького". Причем я был в белой рубашке, а тут получился какого-то лилового, денатуратового цвета. Вот так я попал к Леониду Гайдаю в фильм "Не может быть"...

Это на одном из фестивалей. Кажется, он назывался "Белое солнце Адлера". В свое время я снялся в трех фильмах у Владимира Мотыля, потом два раза вместе с Михаилом Пуговкиным и один раз — с Тамарой Семиной. Мы хорошо друг друга знаем и вот решили сфотографироваться.

Это кадр из фильма Владимира Мотыля "Звезда пленительного счастья". В нем я играл роль Никитки, русского паренька, который говорит по-французски. Сначала планировали сделать сцену, где они все должны быть обнаженными. Но когда девчонки разделись, оказалось, что снимать нельзя, потому что от бюстгальтеров, трусов, чулок, тем более зима была, остаются следы, которые сходят чуть ли не часами. И не пошла сцена. Так что, я понял, ходить нужно без трусов, бюстгальтеров и чулок.

Я люблю море, тепло. Мне так не хватает его в Москве. И если удается, всегда мотаюсь на Новый год в Таиланд. Там вечером ты выходишь и попадаешь на праздник: справа — какой-нибудь бокс, слева — какое-то шоу, продают живую рыбу и готовят ее тут же, при тебе. Там потрясающая ночная жизнь, но не среди небоскребов, а среди скромного Востока, может быть, не очень чистого, но очень радостного. Там все вкусно, тепло и весело. И в этом году я тоже туда ездил. Там все также тепло, то же море и такая же вкусная рыба. Экзотика экзотикой, конечно, но я люблю Таиланд потому, что это мир развлечений.

Альбом листала Мария ФРАНЦЕВА.